

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика,

Сессия 5,

Кантовская этика

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 5, Кантовская этика.

Хорошо, теперь мы поговорим о Кантовской этике, продолжая наш обзор основных моральных теорий.

Кант на самом деле прожил всю свою жизнь в городе Кенигсберге, Пруссия, и он один из величайших философов всех времен. Меня иногда спрашивают, кто величайшие философы в истории, и, насколько я понимаю, большая тройка — это Кант, Платон и Аристотель. Платон и Аристотель, конечно, являются выдающимися фигурами, которые возвышаются над историей западной философии, особенно благодаря их влиянию на Августина и Аквинского, и они начали так много таких дискуссий в западной философии.

К тому времени, как вы доберетесь до Канта, у вас будет 2000 лет промежуточной философской истории. Кто может сделать что-то оригинальное к тому времени? Кант действительно много оригинально мыслил во многих областях, особенно в эпистемологии, этике, эстетике и политической философии. Он дал нам идею Лиги Наций, на самом деле, небольшое эссе, которое он написал под названием «Вечный мир».

Если бы это было все, что он когда-либо сделал, он все равно вошел бы в историю, но он также сделал эпохальную работу в этих других областях. Он крупная фигура, представлявшая Просвещение. Фактически, он написал короткое эссе под названием «Что такое Просвещение», которое оказало большое влияние.

Одной из его целей было поставить этику на прочную философскую основу, и он хотел показать, что вам действительно не нужен никакой церковный авторитет или особое откровение от Бога, чтобы познать добро, и что ваши основные обязанности могут быть рационально открыты. Это спорное утверждение, но это было частью повестки дня Канта как ведущего философа Просвещения. В частности, то, что он пытался сделать в сфере этики, было не просто поставить этику на прочную рациональную основу, но и преодолеть проблемы консеквенциалистских моральных теорий, таких как утилитаризм, которые определяют правильное и неправильное, хорошее и плохое, всегда с точки зрения последствий.

Для утилитариста мотивы на самом деле не имеют никакого значения. Все дело в фактических последствиях действий, которые вы совершаете, которые имеют значение, независимо от ваших намерений или мотивов. Кант считал, что, по сути, они перепутали все.

На самом деле, самое важное из всего — это причина, по которой вы действуете. Ваша мотивирующая основа для ваших действий действительно имеет решающее значение, когда дело доходит до принятия решения о том, является ли ваш выбор правильным или неправильным, хорошим или плохим. Для того чтобы сделать это, он признал, что необходимо найти высший моральный принцип, который управляет всем, что вы думаете и делаете, и выбираете как моральный агент.

Этот высший моральный принцип, думал Кант, должен быть универсальным. Он должен быть таким, чтобы он был применим к каждому разумному существу, и он должен быть необходим в логическом смысле. Он должен связывать нас, каждое разумное существо, так, чтобы для того, чтобы быть рациональным мыслителем в моральных вопросах, вы должны осознавать основные обязанности и обязательства, которые у вас есть.

Если вы полностью рациональны, вы это получите. Он считал, что каким бы ни был высший моральный принцип, он должен быть таким же обязательным, как закон непротиворечия и логики, где быть рациональным — значит осознавать свои моральные обязанности так же, как вы осознаете свои логические обязанности мыслить последовательно и не противоречить себе. Он начинает с вопроса, что является единственным безусловным благом, которое мы можем знать как человеческие существа? Единственное безусловным благом, что-то, что является благом без исключений, без каких-либо ограничений, и это, как он говорит, добрая воля.

Добрая воля. Добрая воля — это та, которая действует из чувства долга, а не просто желания или естественной склонности. Знаете, у нас есть всевозможные склонности и желания, которые мы испытываем в течение дня, но не действуем в соответствии с ними.

Другие мы действуем, но есть также долг, чувство долга или обязательства, которое мы часто ощущаем. И что мы должны всегда действовать, независимо от наших наклонностей и желаний. И это потому, что наши моральные обязанности являются подмножеством наших рациональных обязанностей.

Опять же, быть рациональным также означает быть моральным, если мы здесь строги. Так что наши обязанности, наши моральные обязанности, диктуются

самим разумом, точно так же, как разум диктует наши логические обязанности, можно сказать. Итак, вот основной подход Канта.

Он считает, что люди по своей природе рациональны. Вот что значит быть человеком — быть рациональным животным, быть таким млекопитающим, которое рассуждает, которое мыслит логически, которое ищет доказательства того, во что мы верим, и которое подталкивается доказательствами. Веские причины вести себя так, как мы должны себя вести.

Мораль — это подмножество рациональности. Опять же, если вы действительно рациональный человек, то вы осознаете свои моральные обязанности. Кант проводит своего рода параллель между двумя областями разума, одна из которых — теоретический разум, а другая — практический разум.

Итак, теоретический разум — это та область или применение разума, которая стремится к истине. Мы хотим знать, что есть истина. Мы все ищем истину.

Независимо от того, называем ли мы себя философами или учеными, каждый из нас интересуется истиной. Это просто из-за вашей природы как существа. И что является вашим главным проводником, когда дело доходит до поиска истины? Это закон непротиворечия.

Это высший закон или принцип логики, который гласит: что бы вы ни делали, не противоречьте себе. Если вы попались на противоречии, если кто-то говорит: «А, вы сами себе противоречите», единственное, чего вы не сделаете, это скажете: «Ну и что?» Если кто-то поймает вас на противоречии, первое, что вы сделаете, это: «Нет, нет, нет, нет», вы это отрицаете. Вы говорите: «Вот почему я себе не противоречу».

Вы можете защитить себя, указав различие, или вы можете защитить себя, сказав, что вы неправильно поняли то, что я сказал. Позвольте мне прояснить. Но вы собираетесь защитить себя от этого обвинения в противоречии себе, потому что это смертный грех в области разума и логики.

Не противоречьте себе. Итак, закон непротиворечия — наш главный проводник в поисках истины. Не утверждайте и не отрицайте одно и то же.

Теперь практический разум — это область рационального исследования, где разум применяется к поведению. Когда дело доходит до практического разума, мы пытаемся выяснить не то, что истинно, а то, как нам следует выбирать, как нам следует себя вести и как должна действовать наша воля. Что я должен хотеть? Теоретический разум говорит мне, что я должен думать и во что верить.

На практике меня волнует, что мне выбирать и как мне реализовывать свою волю. И это тоже направляется высшим принципом, параллельным закону непротиворечия. И это высший императив.

Принцип разума, который руководит тем, как мы должны выбирать и вести себя. Это тоже объективный закон разума. Это то, что Кант хочет открыть: этот императив или мандат, который является универсальным, этот высший моральный принцип.

Итак, вот, чтобы заполнить параллели здесь в области теоретического разума. Мы ищем истину. Практический разум относится к поведению.

Теоретический разум руководствуется законом непротиворечия. Практический разум руководствуется этим высшим императивом, который он называет категорическим императивом. И теоретический разум открывает закон непротиворечия только разумом.

Закон непротиворечия, который управляет практическим разумом и поведением, также открывается только разумом, согласно Канту. Так что все, что нам нужно, действительно все, что нам нужно, чтобы знать хотя бы наши самые основные обязанности в этике, — это разум. И это во многом идея Просвещения.

Мыслители Просвещения отбросили религиозный авторитет и церковную власть. Нам не нужно никакого церковного или церковного руководства. Нам не нужно особого откровения.

Одного лишь разума достаточно, чтобы мы могли открыть всю необходимую нам истину, приобрести все необходимые нам знания и вести себя ответственно, согласно мировоззрению Просвещения. Опять же, Кант был крупным мыслителем и пророком Просвещения. Хорошо, давайте поговорим о категорическом императиве.

Что такое категорический императив? Как оказалось, существует множество способов его выражения и артикулирования — несколько различных углов подхода. Мы поговорим о нескольких из них.

Одна из этих версий категорического императива связана с тем, что мы можем универсализировать, что мы можем хотеть универсально. Поскольку категорический императив во многом похож на закон непротиворечия, он предписывает вам не противоречить себе в своей воле. Как и гласит закон непротиворечия, вы никогда не должны думать или верить в то, что противоречит чему-то другому, что вы думаете или во что верите.

Категорический императив гласит, что вы никогда не должны желать того, что противоречит вашей собственной воле. Хорошо, поэтому избегайте противоречий. Поскольку это применяется в теоретическом разуме к тому, во что вы верите, категорический императив гласит, что вы никогда не должны иметь противоречий в своей воле.

Итак, эта первая версия категорического императива гласит, что нужно действовать только на основе той максимы, посредством которой вы можете в то же время пожелать, чтобы она стала всеобщим законом. Кант иллюстрирует свою теорию рядом различных примеров. И один из них — пример ложного обещания.

Если вы думаете дать обещание, которое вы не сможете выполнить, чтобы избежать определенной проблемы, стоит ли это делать? Если вы думаете, что у вас не будет достаточно денег, чтобы заплатить за обучение в колледже в этом семестре, у вас есть хороший друг, у которого достаточно денег, или он мог бы одолжить вам, скажем, несколько тысяч долларов. Стоит ли вам попросить у него эти деньги? Я один. Скажем, я верну вам в конце семестра, зная, что вы не сможете этого сделать. У вас не будет ресурсов, чтобы вернуть их в конце семестра.

Стоит ли вам это делать? Что бы сказал Кант? Первый категорический императив говорит, что нужно всегда действовать по этой максиме, где вы в то же время можете сделать ее всеобщим законом. Ну, могли бы вы допустить, чтобы всеобщим законом было то, что все дают ложные обещания? Вам бы это понравилось? Вы бы этого желали? Вы бы могли пожелать, чтобы люди время от времени или каждый день давали вам ложные обещания? Нет, мы не хотим, чтобы люди давали нам ложные обещания. Поэтому я не могу из последовательности, из уважения к моральному закону, категорическому императиву, который требует последовательности в моей воле, я не могу этого сделать.

Я не могу хотеть, чтобы что-то, чего я не хочу, было сделано, понимаете, универсально. Так что, поскольку я не могу хотеть, чтобы это было универсальным законом, то я не должен этого делать. И он использует и другие примеры.

Должен ли я уклоняться от развития определенного таланта, который у меня есть, который очень особенный и может быть полезен человечеству? Должен ли я давать милостыню или помогать всем другим людям, которые в этом нуждаются? Должен ли я совершить самоубийство, если я нахожусь в особенно подавленном состоянии? И Кант применяет категорический императив ко всем этим случаям, обнаруживая, что вы должны развивать свои значительные

таланты. Вы не должны быть отшельником. Вы должны быть милосердными и помогать другим, которые в этом нуждаются.

Вы не должны отделять себя от остального человечества. И вы никогда не должны убивать себя. Это всегда неправильно.

В каждом случае вы нарушите эту первую версию категорического императива, если сделаете что-то из этого. Есть другой способ распаковать этот категорический императив.

И это значит задать несколько вопросов о том, что значит быть разумным существом. Он утверждает, что каждое разумное существо существует как цель в себе, ценное само по себе, а не просто как средство, используемое другими людьми.

Что значит быть рациональным агентом, так это то, что вы заслуживаете уважения просто за то, кто вы есть. Вас не должны использовать как простое средство. И так со всеми рациональными агентами.

Они не просто средства; они являются целями сами по себе. Именно это побудило Канта открыть вторую версию категорического императива. Которая гласит: поступай так, чтобы ты относился к человечеству, будь то в твоём собственном лице или в лице другого, всегда как к цели и никогда как только к средству.

Другими словами, мы не должны просто использовать людей. Вам когда-нибудь говорили, что вы просто используете меня? Если бы кто-то сказал вам это, вы бы ответили: нет, я не использую. Вы бы это отрицали.

Опять же, любой, у кого есть хоть какой-то моральный здравый смысл, понимает, что нельзя просто так использовать людей. И если вас в этом обвиняют, вам нужно либо покаяться и извиниться, либо показать, что на самом деле вы не были виновны в том, что просто использовали кого-то. Никогда не относитесь к людям как к простому средству.

Это нарушение их достоинства как личности. И это не уважает их автономию должным образом. Первая версия категорического императива, таким образом, имеет дело с универсализацией.

Можно ли универсализировать данную максиму или правило, чтобы они действовали как всеобщий закон? Вторая версия связана с уважением к людям и личной автономии. Но Кант убежден, все кантианцы убеждены, что различные версии категорического императива, и есть еще две, о которых мы не будем говорить, но что все четыре версии категорического императива, которые

обсуждает Кант, приводят к одним и тем же выводам относительно практических моральных вопросов. Мы говорили об одной из его четырех иллюстраций, о ложном обещании.

Как это работает, или как нам следует это проанализировать в рамках второй версии категорического императива? Если я даю вам ложное обещание, чтобы получить от вас несколько тысяч долларов, чтобы я мог пойти в школу в этом семестре, а затем говорю вам, что я верну вам деньги в конце семестра, хотя я знаю, что не смогу этого сделать, это классический пример использования вас как средства, простого средства для достижения моей цели. Итак, вторая версия категорического императива будет столь же категоричной, как и первая, в заявлении, что вы не должны давать этого ложного обещания. И так далее, для любого вопроса, касающегося поведения или морали, что бы ни осуждала одна версия категорического императива, все остальные будут это делать.

И то, что один разрешает, то и все остальные разрешат. Так что это категорический императив в двух разных формулировках, и это довольно изобретательно, что бы вы ни думали о Канте и его моральной теории, придумать теорию, которая, по крайней мере, делает приличный шаг к тому, чтобы поставить этику на чисто рациональную основу. Это впечатляет.

Вопрос в том, преуспел ли он в этом? Действительно ли этого достаточно, чтобы направлять всю нашу моральную жизнь? Среди сильных сторон теории Канта, она, безусловно, делает сильный акцент на долге и обязательстве. Это очень деонтологическая теория. Мы рассмотрели Милля в его утилитаристской теории, Бентам, Милль.

Их теория — консеквенциалистская. Кантовская — противоположность. Он говорит, что каковы бы ни были последствия, есть правильное и неправильное, и мы можем знать независимо от последствий.

Итак, это очень деонтологическая теория. И она хороша, не так ли? В той мере, в какой она делает адекватный акцент на долге. Любая моральная теория, мы бы сказали, с христианской точки зрения, я думаю, мы все можем согласиться, должна адекватно осмысливать наши концепции долга и обязательства.

Его теория также универсальна в своей объективности. Это хорошо, не так ли? Если это вопрос морального здравого смысла, что есть определенные, по крайней мере некоторые универсальные обязанности, и есть некоторая объективная истина и этика, то тот факт, что такая теория, как Кант, утверждает это, является знаком в ее пользу. И, наконец, она дает адекватное или, по крайней мере, достойное описание справедливости.

И отдавая каждому должное . Мы могли бы говорить о разных способах, в которых это так, но это общий вид суждения относительно теории Канта. И тот факт, что она настолько деонтологична по своей ориентации, вы знаете, объясняет это, что он может осмыслить справедливость таким образом, как утилитаристы не могут.

Потому что они такие, знаете ли, консеквенциалисты в своем мышлении. Но есть проблемы с теорией Канта. Итак, давайте рассмотрим некоторые из них.

Одно из главных возражений против кантовской этики заключается в том, что она слишком много внимания уделяет долгу. Идея заключается в том, что для того, чтобы любое действие, любой сделанный нами выбор были морально уместны или достойны уважения, они должны быть основаны на чувстве долга. Разве это не слишком сильно? На самом деле, слишком сильно.

Слишком требовательно. Итак, позвольте мне проиллюстрировать это. Предположим, у вас есть друг, который пострадал в автокатастрофе.

И вы решаете, что собираетесь навестить этого человека в больнице. И вы хороший кантианец. И вы обдумываете свой график.

У тебя напряженная неделя. На самом деле, у тебя не так много времени, чтобы навестить друга. Но из чувства долга, поскольку они твои друзья, ты говоришь: «Я должен навестить их».

И вот ты идёшь, навещаешь их. И появляешься в их больничной палате. Привет, Билл.

Слышал, что у тебя был несчастный случай. Я подумал, что просто приеду к тебе в гости и посмотрю, как у тебя дела. И твой друг Билл говорит: «Ого, спасибо».

Это так мило с твоей стороны, что ты подумал обо мне и выделил время в своем графике, чтобы сделать это. Это просто очень мило. Я ценю это.

И тогда, как хороший кантианец, вы скажете, ну, на самом деле, я не хотел. Я не был склонен в этом направлении. Но я чувствовал, что это было правильным.

Я на самом деле прогнал категорический императив через свой разум и решил, да, я могу сделать это универсальным. И я не хочу относиться к тебе как к простому средству. Так что вот я здесь, и все в порядке.

В этот момент Билл говорит, что? Ты не хотел приходить ко мне в гости? На самом деле нет, но я чувствовал, что это было правильным решением. Твой друг, вероятно, скажет, ну, ты знаешь, спасибо, но нет, спасибо. Я думал, ты

пришел сюда из искренней заботы обо мне, что мы ценим больше всего, не так ли? Мы не хотим, чтобы люди действовали просто из чувства долга.

Так же важно, как и долг, верно? Конечно, это важная вещь, как и долг, обязанность и так далее. Но мы предпочитаем, чтобы люди действовали из чувства искреннего желания и склонности. И чувство привязанности к нам мотивирует их делать для нас такие вещи.

Посещают нас, когда мы в больнице, обращаются к нам в другие моменты нужды или просто проводят с нами время, и точка. Итак, эта степень акцента, которую вы находите в моральной теории Канта, заключается в том, что насколько долг важен в моральной жизни, это не вся история. Действительно похоже, что Кант относится к долгу и обязательствам так, как будто они составляют всю моральную историю.

И это, по мнению большинства критиков теории Канта, является настоящей слабостью. Затем, есть еще одна проблема конфликта обязанностей, с которой мы сталкиваемся, применяя категорический императив. Итак, вот классический пример того, что вы делаете, будучи тем, кто укрывает евреев во время Второй мировой войны, и гестапо приходит к вам в дверь.

Вы укрываете евреев? Что вы делаете? Вы говорите им правду или лжете? Вы лжете, чтобы спасти жизни невинных евреев, которые находятся в вашем подвале? Или вы говорите гестапо правду, и тогда все эти невинные люди умирают? Говорить правду — важная ценность. Как и спасти невинные жизни. На самом деле, когда Кант разбирается с этим, он в конечном итоге встает на сторону говорить правду в каждом случае.

Он непреклонен в этом, что само по себе является проблемой теории Канта или, по крайней мере, его способа ее разработки. Большинство из нас сказали бы, ну, да, просто лгите. Спасите невинные жизни и, знаете, вы вводите в заблуждение гестапо, и вы смываете кровь с их рук, и вы спасаете эти жизни.

Это не было точкой зрения Канта. Но это своего рода классическая дилемма, моральная дилемма. Но есть много других случаев в этике, когда у вас есть две значимые ценности.

Они противоречат друг другу. И что нам делать в этом случае? Когда категорический императив, кажется, указывает в двух разных направлениях одновременно, это проблема. Защитники теории Канта сказали бы, что ж, это проблема для любой теории.

Но так ли это на самом деле? И утилитаристская теория, похоже, в таких случаях, когда дело доходит до ответа нацистам, вы можете довольно четко

подсчитать, что принесет больше боли или больше удовольствия среди различных вариантов. Кажется довольно ясным, что если вы лжете нацистам, это приведет к последствиям, которые будут включать в себя гораздо больше удовольствия и меньше боли, чем если бы вы сказали им правду. Так что у утилитариста нет здесь проблем.

Но, черт возьми, кантианец это делает. Кант просто догматически утверждает, что мы всегда должны говорить правду в любом случае, но это на самом деле не решает проблему, потому что не так ясно в категорическом императиве, является ли это правильным выбором, поскольку у нас также есть обязанность защищать жизнь, а также обязанность говорить правду. Так что я действительно думаю, что это реальная проблема с теорией Канта.

Так что даже если это представляет собой определенные достижения, улучшения в теории консеквенциализма, у вас есть некоторые обязательства, которые довольно существенны. Наконец, есть эта критика, связанная с двусмысленностью максимы, которую мы проверяем с помощью категорического императива. Помните категорический императив? Если мы придерживаемся первой версии универсализации, она гласит: действуйте только на основе этой максимы или основного правила для действия, которое вы могли бы в то же время желать, чтобы оно было всеобщим законом.

Вот почему я не должен давать ложных обещаний. Вот почему я не должен красть твою книгу. Вот почему я не должен мошенничать с налогами.

Я не могу заставить эти максимы стать универсальными законами. Но заметьте, что мы могли бы, можно было бы последовательно универсализировать очень конкретную максиму, скажем, украсть книгу моего соседа, когда у меня нет других средств заплатить за книгу, а у соседа, у которого я краду, достаточно ресурсов, чтобы он действительно не сильно по ней скучал. Кажется, мы могли бы универсализировать это.

Тогда мне не пришлось бы беспокоиться о том, что кто-то украдет у меня в подобных обстоятельствах, потому что у меня нет таких ресурсов. И это было бы редкостью в любом случае. Это было бы гораздо реже, чем если бы люди просто воровали книги, когда им вздумается.

Итак, мы уточнили эту максиму. Мы сделали ее такой конкретной. Только в очень особых обстоятельствах кто-то может украсть книгу, и мне не придется об этом особенно беспокоиться, потому что я, скажем, довольно богат.

Итак, я мог бы универсализировать эту максиму. Я мог бы универсализировать некоторые другие максимы, если бы я встраивал в них определенные квалификации, которые делают их если не уникальными, то, по крайней мере,

знаете ли, довольно редкими обстоятельствами, когда было бы уместно действовать соответствующим образом. Итак, есть ряд проблем с теорией Канта, которые выявляют серьезные ограничения и показывают, как мы видели с утилитаризмом и теорией общественного договора, что для всех прозрений и преимуществ этой теории ее недостаточно.

Нужно что-то еще, чтобы дополнить теорию. Есть еще несколько вещей, которые важны для дополнения теории, чтобы прийти к всесторонне удовлетворительной моральной теории. Так вот, это Кант.

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 5, Кантовская этика.